

Diskusija, polemika

Новое издание по археологии центральной и Восточной Европы

Rec.: Germania – Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Сборник материалов. Калининград: Янтарный сказ, 2008. 237 с., илл. – 500 экз.

Выход в свет рецензируемого «сборника материалов» (таково обозначение типа издания в его титуле) является важной вехой в процессе археологического изучения древностей Центральной и Восточной Европы. Трогательны слова «Археологам Восточной Пруссии посвящается», помещённые на первой странице сборника под его эмблемой. Приятно то, что они почти полностью повторяют эпиграф моей книги, изданной в 2004 г.: «Юбилею Кёнигсберга и памяти всех прусских археологов посвящается» (Кулаков, 2004, с. 7).

Впервые за все послевоенные годы в Калининграде появилась книга, на страницах которой учёные, студенты и краеведы могут ознакомиться с новейшими достижениями археологии. Более того, судя по надписи на шмуцтитуле, издание данного сборника выполнено в рамках научной деятельности Калининградского Областного историко-художественного музея (далее – КОИХМ). Это придаёт рецензируемой книге ещё больше авторитетности. Правда, при ближайшем рассмотрении ситуация со сборником выглядит несколько менее оптимистично.

Не ясно, кто назначил О.А. Радюша и К.Н. Скворцова, не имеющих ни научного, ни редакторского опыта, «ответственными за издание». К сожалению, даже некоторые члены редакционного совета этого издания не были ознакомлены с его текстом и/или не принимали участие в редакционной работе. Похоже на то, что упомянутые два «ответственных» персонажа (сотрудники Института археологии РАН и КОИХМ) издали сборник по своей частной инициативе.

Вопросы вызывают титул сборника и его тематическая направленность. Название калининградс-

кого «сборника материалов» близок титулу изданного четыре года тому назад Анджеем Коковским тома “Sarmaci i Germanie”. Цель этого издания, осуществлённого в рамках научной деятельности Института археологии Университета им. Кюри-Скловдовской (Люблин, Польша), отражённая в его титуле, объясняется его издателем необходимостью выявления связей между кочевым сарматским миром и обитателями Barbaricum. К решению этой проблемы польских коллег подталкивает рост числа находок сарматского происхождения, поступающих из раскопок на территории современной Польши (Kokowski, 2004, s. 9).

Тематика люблинского сборника ёмко и точно отражена в его титуле. Напротив, из названия рецензируемой книги не ясны задачи, поставленные перед ней издателями (кто они – «ответственные за выпуск издания» или редакционный совет?). Ведь никаких сарматских находок в Балтии не было обнаружено, научный повод для публикации калининградского сборника отсутствует.

Если в «Предисловии» А.В. Симоненко издание называется просто «сборником» (с. 9), то в написанном В. Новаковским по-немецки «Кратком предисловии к современному читателю» рецензируемое издание именуется “neue kaliningrader Schriftenreihe” (нем. «новая калининградская серия (научных) записок»), её первым томом (с. 8). Похоже, специфика этого издания членами его редакционного совета не обсуждалась.

Кстати, неожиданно для опытного специалиста А.В. Симоненко делает вывод о то, что эта территория «... находится на границе Сарматии и Германии» (с. 6). Конечно, отдельные античные авторы обозначали часть Балтии как “Sarmatia”, но

сарматские древности, которым нашлось место в сборнике, находятся отсюда на «дистанции огромного размера».

Авторы двух версий введения к сборнику по разному видят перспективный состав его авторов. Украинский археолог «сарматский блок», сформированный из статей (а не «книг» – с. 6) своих земляков, ставит в сборнике на первое место. Его варшавский коллега, напротив, считает, что серия таких сборников станет международным форумом, на котором «археологи стран, прилегающих к Балтийскому морю, покажут результаты своих исследований...» (с. 8). Причём тут сарматы и украинские исследователи их древностей? По В. Новаковскому, в «первом томе» серии представлена зона между южным Ютландом и Подоньем, куда к востоку от р. Вислы входит птолемеева *Sarmatia Euporaea*. Посмотрим, как отражена археология этой зоны в статьях сборника.

«Сарматский блок» статей составляют:

Статья Синицы Евгения Валентиновича (в немецком резюме почему-то поименован «Sinitina» – с. 23) «Сарматское погребение из Хутора Хмильна в контексте сарматско-зарубинецких отношений» (с. 9–21). В начале своей работы автор отмечает «Данная статья имеет своей целью полную публикацию комплекса» (с. 9). Правда, она невозможна, ибо данное погребение, обнаруженное в 2001 г. на окраине хутора Хмильна (Черкасская область Украины), разрушено. Ввиду этого подробному описанию не подверглись находившиеся в могиле краснолаковый сосуд, железный предмет, костный материал – остатки жертвенной пищи (?). Лексика автора своеобразна («зеркальце» – с. 10, «посудинка» – с. 11). Наличие в погребении лепной чернолощённой миски (весьма упрощённое её изображение на рис. 3 не позволяет составить правильное впечатление о данной находке), трактуемой автором как сосуд, объединяющий «черты вариантов 2 и 4 типа II зарубинецких мисок по Е.В. Максимо-ву» (с. 11) даёт ему повод пуститься в длительные (с. 15–19) рассуждения о взаимоотношениях (по тексту статьи – весьма запутанных) между носителями зарубинецкой культуры и сарматами, оставляем на совести автора. К сожалению, статья, сопровождаемая крайне примитивными чертёж погребения на рис. 2 просто удивляет своей пре-

дельной упрощённостью) и неинформативными иллюстрациями, так и не выполнила своей публикационной задачи. Зарубинецкая миска, найденная в разрушенной сарматской могиле, не может стать поводом для рассуждений и широких обобщений по вопросу межплеменных отношений на широких пространствах Восточной Европы. Немецкое резюме данной статьи, как, впрочем, любые представленные в сборнике строки на этом языке, изобилует ошибками. Очевидно слабое знание немецкого языка редактором (в книге не указан) и корректором текста сборника.

Следующая статья данного «блока» «Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная (хронологический аспект) принадлежит перу А.А. Васильева и О.К. Савельева (с. 29–43). На с. 30 авторы справедливо указывают на несоответствие между хронологическими шкалами позднесарматских и черняховских древностей шкале Отто Тишлера (забыт авторами) – Эггерса-Годловского. Введённая недавно в научный оборот более дробная хронология крымских древностей III в. н.э. принята авторами статьи и обосновывается в её тексте на основании материалов Причерноморья эпохи Готских войн. Вывод авторов скромнен: мы лишь ограничиваемся констатацией того, что верхняя дата рассмотренных памятников (к сожалению, не по комплексам, а по отдельным, выбранным вне археологического контекста находкам – К.В.) должна быть омоложена на несколько десятилетий» (с. 36). Качественно выполненные иллюстрации (рис. 1, 2) неплохо дополняют хронологические построения авторов. Заметной особенностью данной статьи является отсутствие в сносках номера страницы цитируемой работы. Разумеется, это не способствует адекватной работе читателя с текстом статьи и понижает ответственность её автором за точность сносок.

Далее, уже в «черняховском блоке» следует статья М.В. Любичева «Киево-черняховские контакты ступеней C1b–C2 на территории днепро-донецкой лесостепи в свете выделения «горизонта Боромля» (с. 44–67). Автор приводит градацию контактов носителей киевской и черняховской культур в рамках III–V вв. н.э., показывая вещевые хроноиндикаторы для каждого из трёх этапов контактов (с. 44,

45). На основе публикации материалов новейших раскопок ряда поселений и могильников в Харьковской области Украины (Войтенки-1, Головино) автор дискутирует с А.М. Обломским и уточняет культурную принадлежность ряда памятников археологии римского времени в днепро-донецкой лесостепи. Выясняется отсутствие киево-черняховских контактов в данном регионе ввиду отсутствия здесь памятников этих культур (с. 52). Исчерпывающе иллюстрированная, статья М.В. Любичева производит вполне позитивное впечатление.

К.В. Мызгин в своей статье «Некоторые аспекты политической и экономической истории населения днепро-донецкой лесостепи во второй четверти I тысячел. н.э. по нумизматическим данным» (с. 68–87) относит черняховский ареал к «территории восточноевропейского Барбарикума» (с. 68), что никак не соответствует концепции рецензируемого сборника (см. выше). В пределах днепро-днепровской лесостепной зоны автору известно более 135 пунктов находок римских монет, которые он группирует и пытается интерпретировать причины и даты их депонирования. Благодаря картографированию нумизматических находок автором выделяются их 4 скопления (с. 71) и выделяет, в частности, торговый Муравский шлях. Автор предполагает, что часть серебряных вещей, встречаемых в черняховском ареале, являлась импортами, а не изготавливалась местными мастерами из монетного серебра, как считают многие исследователи (с. 73). Для восточной части черняховского ареала автор приходит к выводу о том, что в поздне-римское время «... деньги уже выполняли роль товара-посредника» (с. 76). Этот вывод крайне интересен.

О.В. Петраускас выступил в сборнике со статьёй «Хронология некоторых типов гончарных кувшинов черняховской культуры лесостепной Украины» (с. 88–103). Титул статьи вряд ли удачен в связи с тем, что в черняховскую эпоху Украины ещё не существовало. Автор в статье подробно описывает историю типологизации одной из категории круговой черняховской посуды – кувшинов. Их типология, предложенная автором, поражает своей лаконичностью: типы 1–3 вместо 16 или даже 20 типов кувшинов по Б.В. Магомедову. Описание типов и вариантов керамики автором

осуществлено излишне экономно и без серьёзной аргументации. Параллели данной категории черняховской керамики вне её основного ареала автор не приводит. Массив материала (число единиц материала читателю не сообщается) автор разбивает по хронологическим этапам, датируя отдельные типы по взаимовстречаемости нередко лишь с одной–двумя датирующими вещами. Такой подход к датировке не всегда внушает доверия к выводам автора. Качество иллюстративного материала (рис. 1–6 лишены масштаба), сопровождающего статью, оставляет желать лучшего.

Подводя итог «сарматскому и черняховскому блокам» статей следует отметить, что большая часть составляющих его материалов представляются собой или требующие дальнейшего осмысления первичные публикации, или размышления и дискуссии авторов со своими отсутствующими в сборниках оппонентами. Возможно, лучше дело обстоит в следующем блоке статей – «германском».

Этот «блок» открывает изданная по-немецки статья археолога из Вильнюса Расы Баните-Ровелл «Металлические миниатюрные детали убора из западнолитовского могильника римского времени в «германском» и «сарматском» контексте» (с. 104–121). Странно то, что этот текст, в отличие от представленных ниже статей других иностранных коллег, так и не был переведён на русский язык. В этом случае оставшиеся читателю неизвестными редакторы смогли бы исправить неправильно употреблённые названия топонимов Sambia (нем. «Samland») и Natanga (нем. «Natangen») (с. 104). Более мелкие ошибки, простительные для литовского переводчика на немецкий язык, здесь не приводятся. Данная статья посвящена публикации малых деталей женского убора, обнаруженных при раскопках грунтового могильника Baitai (очевидно – Клайпедский район Литвы, о чём забыла упомянуть автор статьи). Эти находки типологизированы в соответствии с системой З. Блумбергс. Публикация традиционно для литовской археологии основательно подготовлена. Пожалуй, впервые в сборнике автор статьи попытался показать влияние сарматского мира на германские древности. Правда, германское происхождение комплексов могильника Baitai так и осталось недоказанным. Автор считает, что традиция украшения одежды

множеством псевдо-жемчужных накладок является сарматской по своему происхождению и наследован от скифов. Правда, известные на могильниках Baitai, Vidgiriai, Hünenberg/Гора Великанов и прочих погребальных памятниках юго-восточной Балтии финала римской эпохи микроскопические накладки-бляшки имеют не фигурные (как у скифов и сармат), а полусферические или сферо-конические формы. На с. 111 автор статьи уже отмечает аналогии между западнобалтскими и германскими микроскопическими бляшками. Это предположение выглядит более логичным, нежели поиски в окрестностях нынешней Клайпеды «сарматского» следа. Скорее всего, в местном уборе IV–V вв. н.э. видно германское или даже гунское воздействие.

Далее следует статья «ответственных за выпуск издания» (кто их таковыми назначил, читателю осталось не известно) О.А. Радюша и К.Н. Скворцова «Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры» (с. 122–157). Статья в своей основе имеет доклад, крайне неудачно прочитанный вторым из его авторов в 2005 г. на XV Поморознавчей сессии в г. Эльблонге, где он подвергся критике со стороны автора данной рецензии как беспомощный и совершенно неподготовленный. Очевидно, авторы статьи попытались учесть многочисленные замечания рецензента, нашли силы через три года исправить текст своей работы и опубликовать его (правда, без указания страниц используемых научных работ). Однако многочисленных ошибок и досадных неточностей авторы всё же не избежали. Их заявление о гибели или пропаже 90 процентов фондов Музея «Пруссия» (с. 122) не соответствует действительности. В Калининграде с 1976 г., в Берлине – с 1991 г., а также в других городах нашего континента постоянно обнаруживаются сотни и даже тысячи предметов из этой прусской коллекции. Далее авторы представляют историю изучения деталей германских щитов, начиная с работы Мартина Яна (1916 г.) (с. 123). Дав высокую оценку типологическим изысканиям Н. Цилинга и Й. Илькёра на германском материале, авторы критикуют литовских и латвийских археологов, обращавшихся к древним щитам, за дающиеся им даты, которые «... зачастую чрезмерно расплывчаты» (с. 124). К сожалению, это – вполне объективно из-за отсутствия в

немногочисленных в Восточной Балтии комплексах со щитами находок-хроноиндикаторов. В одной из публикаций автора рецензии, названным О.А. Радюшем и К.Н. Скворцовым почему-то сразу и советским, и российским автором (с. 124), а не просто русским, не понравились «... таблицы с грубыми рисунками основных типов вооружений, в том числе и умбонами» (так у авторов на с. 124). Увы, но я использовал в основном старые немецкие литографии (как и на рис. 12 в рецензируемой статье). Правда, эта критика не помешала авторам использовать неопубликованные мною материалы, взятые (правда, почему-то далеко не полностью) из Архива Института археологии РАН без моего уведомления и/или разрешения. Сомнительна публикация данных о погр. 64, 65, 79А, 88, 152, 155, 176, 223 и 314 могильника Lauth. Данных о них нет ни в последнем из сданных в Архив ИА РАН К.Н. Скворцовым отчётов о раскопках могильника Lauth (Архив ИА РАН, Р-1, Скворцов К.Н., №№ 23285), ни в его публикации раскопок этого могильника (Skworzow, 2007, S. 111–219), подготовленной к публикации совместно с автором этих строк. Очевидно то, что опубликованные в сборнике комплексы могильника Lauth, раскопанные одним из авторов рецензируемой статьи, остались за пределами полевых отчётов (и, тем более, публикации). Такой принцип публикации материала находится, в свою очередь, за пределами традиций археологических исследований в России.

Если типологизация умбонных щитов на основании схем Н. Цилинга и Й. Илькёра достаточно проста, представлена авторами весьма кратко (таблица на с. 142 и 143, хронология погребений на ней совершенно не аргументирована), то с хронологией умбонных и их интерпретацией сложнее. Авторы, критикуя мою датировку ряда погребений могильника Dollkeim/Коврово (с. 125), делают это вскользь, без аргументов. Напротив, подробно описываются хронологические и типологические аспекты находок, сделанных на могильниках Lauth/Б. Исаково и Jaugehnen/Алейка-3 и Gr. Ottenhagen/Берёзовка, в раскопках которых принимал участие К.Н. Скворцов, один из авторов статьи. Правда, он вновь забыл спросить мнения о публикации данных о умбонах из могильника Jaugehnen/Алейка-3, автором раскопок которого в 2005 г. яв-

ляется автор данной рецензии. К сожалению, не только в данной части статьи проявлена забывчивость её авторов. В пассаже о «безусловных контактах со Скандинавией, прежде всего с Данией... характерных для эстив Самбии римского времени авторы не ссылаются на ряд публикаций, в котором этот тезис звучит уже давно (Кулаков, 2000, S. 45–48; Кулаков, 2003, с. 242–247). Увлечшись рассуждениями о мутации форм щита, авторы не обратили никакого внимания ни на находки в интересующем их регионе рукоятей и оковок щитов начала нашей эры, не осветили место щита во внутренней структуре погребений эстив I–V вв. н.э. На с. 130 авторы упоминают специфику щитов эстив, связанную «... с периферийным положением региона в Барбарикум». Но как же тогда трактовать мнение Птолемея и А.В. Симоненко (с. 6) о пограничном расположении исторической Пруссии между Барбарикум и Сарматией? Не ясно, откуда авторы взяли данные о числе членов общин обитателей Самбии римского времени (20–30 человек, с. 130). Этот, как и многие другие выводы, показанные в статье, голословны и должны быть подтверждены археологическими данными и мнениями специалистов. Авторы всё время сравнивают роль щита у эстив с ролью щита у германцев, признавая их весьма близкими. При этом этнос основной части эстив, давно уже выясненный (Кулаков, 2003, с. 237, 238), авторам неизвестен. Неизвестными им остались многая другая необходимая для научной статьи информация: необходимость правильных сносок на архивные хранения (а не «архив Р. Гренца», «архив Г. Янкуна», «архив М. Яна», неизвестно где и кем хранящиеся), обязательность благодарственных слов в адрес научного учреждения или учёного, предоставивших возможность авторам использовать в своей работе ранее не публиковавшиеся материалы, наконец – хронологическим порядком размещения научных работ в списке литературы (с. 131), расшифровка таинственных сокращений типа «ПАВ», «BRGZK» (с. 131) и прочая, прочая... Уверен в том, что данная статья, как и доклад 2005 г., не готова для представления в научном издании. Кстати, судя по отсутствию соответствующего наименования на последней странице книги (с. 238), рецензируемый сборник научным изданием не является.

Далее в «германском блоке» следует замечательная по своей краткости (с. 158–165) статья В. Новаковского «Польские исследования раннего железного века, римского периода и эпохи Великого переселения народов на территории Вармии и Мазурского Поозерья». Статья, содержащая телеграфное по своей краткости описание трёх этапов археологических исследований на указанной выше части северо-восточной Польши, является в сущности русскоязычным резюме публикаций, ранее издававшихся автором за рубежами России (одна из них – Nowakowski, 2004, p. 65–102).

За статьёй своего учителя представил свой материал П. Шиманский. Этот молодой варшавский учёный в статье «Курганный могильник судавской культуры в Червоном Двору возле Голдапа. Итоги исследований 2003–2007 гг.» (с. 166–179) представил в сокращённом виде по-русски с незначительными дополнениями основные положения своей статьи, вышедшей в Вильнюсе в 2006 г. (Шиманский, Годзеба, 2006, с. 43–53). Прежде всего поражает низкое качество перевода статьи на русский язык. Вместо «Шиманский» следует писать «Шимански», вместо «Червоный Двор» (в английском резюме – “Teherovony Dvur”) – «Червоны Двур», вместо «стоянка» – «памятник археологии» и проч. С самого начала автор не объясняет, материалы из какой части могильника он публикует – из юго-восточной или из северо-западной? (с. 166, 167). Не ясно, в какие полевые сезоны эти участки могильника раскопаны. Находки описаны бессистемно, вне погребальных комплексов. Термин «позднеримские сосуды» неприемлим к керамике «варваров» (с. 168). Погребальный обряд описывается также суммарно, с редким упоминанием номеров курганов (с. 168). Интереснейшие для археологии балтов поздние грунтовые погребения, выявленные раскопками в юго-восточном секторе могильника, описаны до обидного поверхностно. Параграф «Хронология развития могильника» не отвечает своему названию и не содержит никакой аргументации относительно датировки вскрытых польскими археологами погребальных комплексов. Параграф содержит противоречия в пределах одного абзаца: «Наиболее старые, датированные фазой C1 материалы могильника...» и «(можно датировать) находки из самых старых курганов, вероят-

нее всего, лишь от фазы C2» (с. 169). Аргументация принадлежности могильника Червоны Двур к голдапской группе судавской культуры, заявленной в титуле последнего в статье параграфа, в нём найти не удалось. Напротив, автор неожиданно заявляет: «Весь поздне римский керамический материал в принципе идентичен богачевскому» (с. 170). Финал статьи содержит размышления о характере голдапской группы, основанные на раскопках части могильника Червоны Двур, с публикацией материалов которого его автор, талантливый молодой польский коллега, явно поспешил в рецензируемом сборнике.

Далее в «германском блоке» следует изданная по-английски статья Б. Контны «Breves gladii et rotunda scuta. Замечания о вооружении готов в свете текста Тацита» (с. 180–209). В отличие от большинства статей, представленных в данном «блоке», материал Б. Контны действительно связан с древностями одного из германских племён и представляет в основном данные, позволяющие воссоздать щиты как деталь оборонительного вооружения носителей вельбарской культуры и части скандинавских племён. Автор разделяет типы щитов по их форме (ромбическая, прямоугольная и круглая). Привлечение большого фактического материала позволяет Б. Контны сделать вывод о том, что на фазе C в Восточном Поморье преимущественно использовалась круглая форма щитов, появившаяся здесь под скандинавским влиянием. К сожалению, для раскрытия заявленной темы автор не привлёк материал древней Самбии, который показал бы наличие готских традиций защитного вооружения и на Янтарном берегу, доживших здесь до завершения эпохи Великого переселения народов (Кулаков, 2007, с. 138, 139).

За статьёй Б. Контны следует работа Нины Лау «Следы ритуальной порчи на элементах конского снаряжения из болотного памятника Торсберг» (с. 210–219). Данная статья является краткой, но добросовестной публикацией ряда ритуально повреждённых деталей конского снаряжения поздних этапов фазы C из озёрного (ныне – болотного) места жертвоприношения Торсберг (земля Шлезвиг-Гольштайн, Германия). Автор справедливо считает принесённые в жертву детали конского снаряжения инвентарём аллтохтонов. Правда, Ниной Лау

рассматривается единственная возможность попадания этих жертвенных даров в воду: «... свидетельством присутствия победившего пришельцев местного населения являются следы ритуально нанесённых в ходе обряда жертвоприношения повреждений» (с. 213). Иная точка зрения на происхождение этих ритуальных даров (Кулаков, 2000, S. 46, 47) автору осталась неизвестной.

Наконец, завершает «германский блок» статей и весь сборник текст П.М. Леуса «Археологи Третьего рейха на оккупированных восточных территориях» (с. 220–231). Статья посвящена теме, слабо известной отечественным учёным (с. 220). П.М. Леус не находит возможности обозначить в ряде ссылок автора и титул статьи, ограничиваясь лишь наименованием журнала (например – *Altshlesische Blätter* – с. 220). Текст статьи наполнен самой разнообразной информацией, зачастую – практически беллетристического характера. Здесь даже рассказывается о находке в Кведлингбурге останков любимого одним из «ответственных за выпуск издания» исторического персонажа – германского короля Генриха I Птицелова (876–936 гг.). В статье нет главного – исчерпывающего и снабжённого фактической информацией описания тех многочисленных раскопок, которые в 1941–1943 гг. вели немецкие археологи на огромных пространствах оккупированных областей СССР от Пскова до Крыма. Эта информация довольно подробно представлена в немецкой археологической литературе, кстати, известной автору (в частности – журналы «*Alt-Preussen*» и «*Germanen-Erbe*»). В первом из них один из немецких археологов, проходивший в составе подразделения Вермахта по Литве, хладнокровно отмечал сходство сожжённых крестьянских домов постройки нач. XX в. с остатками древних жилищ, открываемых в ходе раскопок. Даже такие замечательные, актуальные для современной археологии Украины сюжеты, как исследования немецкими оккупантами черняховских могильников в Поднепровье, не привлекли автора статьи. Напротив, П.М. Леус сконцентрировался на издании в виде приложения к своей статье текста «Карл Энгель. Год археологической работы в «Остланде»» (с. 232–235). Правда, этот текст носит скорее мемуарный характер, его фрагменты, конкретные данные о состоянии музеев и памятников

археологии в Балтии после ухода отсюда в 1941 г. советских войск, зачем-то автором исключены из публикации. Главное то, что отсутствуют дата составления этого важного документа и выходные даты места его архивного хранения. Можно лишь догадываться, что, наверное, немецкий текст воспоминаний К. Энгеля, оставившего заметный след в археологии Балтии и, в частности, в изучении прусских древностей, был получен автором публикации в Институте Гердера (г. Марбург), где совсем недавно был открыт рукописный фонд К. Энгеля. Однако ни этой информации, ни элементарной благодарности архивным работникам, позволившим опубликовать текст К. Энгеля, П.М. Леус не счёл нужным поместить в своём приложении. Это, несомненно, слабо совместимо с элементарной научной этикой.

В статье есть и мелкие технические неточности. Для автора или безымянных редакторов рецензируемого сборника осталось неизвестным то, что при обозначении страниц в сносках на немецкие

издания, позиция «с.» = «страница» обозначается не как «s.», а как «S.».

В итоге стало ясно, что, за редким исключением, статьи в рецензируемом сборнике мало соответствуют его тематике (кстати, весьма смутно обозначенной авторами «Предисловий»), в разной степени (как правило – довольно слабо) раскрывают отдельные черты древностей населения Германии и Сарматии Птолема. При этом между регионами, подвергшимся исследованиям авторами статей сборника, пролегают зачастую тысячи километров. Соответственно впечатление о связях между населением регионов Германии и Сарматии на основании статей авторов (в основном – молодых и не обременённых опытом научной работы) отсутствует.

После прочтения «сборника материалов» «Germania – Sarmatia ...» складывается устойчивое впечатление о беспомощности «ответственных за выпуск издания» О.А. Радюша и К.Н. Скворцова, об их крайне слабой ориентированности в научной и тем более в издательской проблематике.

г. Шлезвиг, Германия

9 декабря 2008 г.

Кулаков В.И.

ЛИТЕРАТУРА

Кулаков В.И., 2003. История Пруссии до 1283 г. Москва.

Кулаков В.И., 2004. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск.

Кулаков В.И., 2007. Генезис трилистных фибул и умбонovidных подвесок. In: *Lietuvos archeologija*. Т. 32.

Шиманский П., Годзеба Л., 2006. Могильник судавской культуры в Червоном Дворе – предварительные результаты исследований в 2003–2005 гг. In: *Archaeologia Lithuana*. Т. 7. Vilnius.

Kokowski A., 2004. Przyczylek do historii kontaktów Germanów I Sarmatów w świetle badań archeologicznych. In: *Sarmaci I Germanie. Studia Sarmatica*, pod redakcją A. Kokowskiego. Т. I. Lublin.

Kulakov W., 2000. Jütland-Dobrudscha: die Rochade

der “Barbaren” vom 2. bis 4. Jh. Chr. In: *Archaeologia Bulgarica*. Jg. V, 2001, H. 2. Sofia, S. 45–48.

Nowakowski W., 2004. Three centuries of Balt archaeology in East Prussia. In: *Archaeologia Polona*. Vol. 42. Warszawa.

Skworzow R., 2007. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'schoje Isakowo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus Grabungen 1998 und 1999. In: *Offa*. Bd. 61/62, 2004/2005 (2007). Kiel.

Архивные материалы:

Скворцов К.Н. Отчёт о работе Самбийско-Натангитского отряда Балтийской экспедиции ИА РАН о раскопках могильника Лаут в 1999 г. *Архив* ИА РАН. Ф-1, № 23285.